

Гэлбрайту, которому нужно было успеть на рейс Бритиш Аирвэйс, пришлось провести два с половиной часа в международном аэропорту Портленда. Ожидание не обещало быть приятным — к этому времени в здании образовалась такая толпа, что инспектору, незнакомому с местными порядками, было совершенно непонятно, как люди вообще садятся в свои самолеты. Оставив свой чемодан в одном из залов ожидания, он направился на второй этаж, где находились магазины и кафе, где он мог купить гамбургер или кофе.

Пройдя немного вперёд, Гэлбрайт вошёл в заведение, расположенное ближе всего к эскалатору — не в последнюю очередь потому, что его привлекла играющая там музыка. Кафе было небольшим, но довольно уютным — в интерьере преобладали фиолетовые и синие тона. На стенах висели любопытные картины, выполненные в виде гравюр, на которых были изображены сцены из жизни древних греков.

Заняв свободный столик, инспектор огляделся — кроме него, в небольшом помещении кафе находились двое молодых людей, похожих на португальских туристов. Один из них был кудрявым и мрачным, другой, наоборот, краснолицым и жизнерадостным. Они сидели друг напротив друга и играли в крестики и нолики на газете, размеченной чёрным маркером в формате шесть на шесть. Иногда эти ребята поднимали головы вверх и, обмениваясь между собой короткими фразами на португальском, поглядывали в сторону инспектора без какого-либо интереса.

Гэлбрайт начал глазами искать официанта. Наконец он увидел мужчину, медленно обходящего столы с каким-то подносом, который он держал в руках. Окликнув его, инспектор невольно заметил, что этот человек сильно выделялся на фоне интерьера — просто странно было видеть в этом помещении с беззаботной атмосферой этого высокого и совершенно лысого мужчину, лицо которого казалось высеченным из гранита. Официант был одет просто и опрятно — черные брюки и белая рубашка.

Гэлбрайт не заострял бы так много внимания на этих деталях, если бы этот человек придавал своему лицу если не улыбку, то хотя бы просто спокойное безразличие, но вместо этого лицо официанта было искажено какой-то ужасной гримасой — как будто он смотрел на каждого посетителя как на узника концлагеря, которого скоро отправят в газовую камеру. Лысина только усиливала это впечатление — хотя инспектор внутренне понимал, что даже если бы у этого официанта были густые волосы до плеч, то его лицо всё равно осталось бы прежним...

Когда просьба инспектора достигла ушей этого человека, он повернулся к столу Гэлбрайта и медленно подошёл к нему, после чего, застыв в двух шагах от его столика, уставился на полицейского своими вытаращенными глазами. У инспектора возникли подозрения, что у этого парня явно были проблемы с жёлчным пузырем...

— Здесь подают кофе? — спросил Гэлбрайт, который хотел расслабиться за столиком и выпить свой любимый напиток.

Официант, продолжавший держать в руках пластиковый поднос, не ответил, а только свирепо посмотрел на гостя своего кафе. Инспектор невольно заметил, что розовый цвет подноса в руках этого верзилы невольно придавал всему его облику сходство с греческой статуей, на которую какие-то шутники напялили юбку и лифчик.

— Я правильно понимаю, что кофе нет? — спросил Гэлбрайт, которому надоело выдерживать на своем лице этот немигающий взгляд.

— Кофе нет, — медленно повторил официант его последние слова.

Голос это мужчины звучал невероятно хрипло — казалось, что слова исходили не изо рта человека, но из динамика сломанного радиоприемника. Тон, подобный интонации автомата, только усугублял это чувство.

— Не позволите ли вы мне взглянуть на меню? — спросил инспектор, который понял, что разговаривать с этим официантом все равно что пытаться добиться уважения от коробки из-под туфель.

После его слов у официанта надулись жилы на лбу, и он, поставив поднос прямо на столик инспектора, направился к стойке. Гэлбрайт невольно стал разглядывать содержимое подноса — на нём стояла пустая чайная чашка с торчащей из неё ложечкой, блюдец с хлебными крошками а также две скомканные салфетки. Видимо, это следовало отнести на мойку посуды, но инспектор своим запросом невольно помешал официанту. Гэлбрайт посчитал, что обслуживание в этом кафе было просто отвратительным — потому что он никогда не видел ранее, чтобы грязную посуду от предыдущего клиента ставили на столик нового гостя — мол, у меня тут руки заняты, поэтому пускай постоит...

Наконец официант вернулся к столику инспектора. Он положил перед ним сложенный посередине лист картона формата А4 и наконец-то забрал этот грязный розовый пластиковый поднос. Гэлбрайт взял в руки картонный лист. Да, выбор блюд в этом кафе был крайне невелик — чёрный чай, круассан без начинки, какие-то сладости (без указания, просто «Сладости») и вода. Инспектор невольно взглянул на португальцев, сидевших за соседним столиком. Теперь он понял, почему они, вместо того, чтобы заказывать еду, просто играли в крестики и нолики — потому что вместо того, чтобы расплачиваться за этот ужас деньгами, лучше просто сидеть голодным.

Гэлбрайт наконец решился на то, чтобы заказать чашку чая — не столько потому, что ему очень хотелось пить, он просто подумал, что если он будет сидеть просто так, без еды, то этот мрачный официант решит его выгнать — мол, зачем вы здесь сидите, если ничего не заказываете?

— Можно мне немного черного чая, пожалуйста? — крикнул инспектор официанту, который, избавившись от подноса, вернулся в помещение кафе с пустыми руками.

Верзила, едва склонив в кивке свою лишённую растительности голову, снова удалился за стойку и исчез из поля зрения Гэлбрайта. Инспектору пришлось ждать десять минут, пока перед ним наконец поставили его заказ — маленькую чайную чашечку, на две трети наполненную напитком, не сильно отличающимся по цвету от кофе. Он поднёс чашку ко рту и сделал глоток. Чай имел такой вкус, что можно было бы подумать, будто чайный пакетик опустили в холодную воду и оставили на сутки...

Едва подавив желание выплюнуть эту жижу, Гэлбрайт поставил чашку на стол и, вздохнув, уставился в потолок. Он не знал, сколько так просидел, но когда двое португальцев встали из-за стола и прошли мимо него к выходу из кафе, он наконец очнулся и посмотрел на часы. О нет, до посадки в самолет осталось совсем немного времени...

Гэлбрайт встал из-за стола, на котором продолжал стоять почти нетронутый чай, и побежал к эскалатору, стараясь не споткнуться о маленьких детей, которые бегали взад-вперед по зданию аэропорта. Наконец ему удалось добраться до зоны досмотра, где началась утомительная процедура — на глазах у красивых молодых девушек тридцатилетнему мужчине пришлось снимать обувь и вытаскивать ремень из брюк. В этот момент Гэлбрайт невольно почувствовал себя эксгибиционистом в клубе для представительниц прекрасного пола... Когда эти проверки

на металлические предметы наконец закончились, он, пытаясь направить приток крови обратно к голове, наконец-то попал в зону вылета. Выдохнув, Гэлбрайт понял, что вот он, выход на посадку...

Спустившись по лестнице вместе с другими пассажирами, он оказался на улице и, дрожа от холода — ибо дул сильный ветер — вошёл в небольшой автобус, который, проехав несколько метров, остановился рядом с «боингом». Билет, который инспектору купили за две недели до вылета, был подозрительно дешевым, и когда Гэлбрайт наконец оказался внутри этой железной птицы, то понял почему — ему досталось место в самом конце самолета, причем прямо в проходе. В результате получилось так, что он не только был лишён удовольствия смотреть в окно, но плюс ко всему те, кто ходил в туалет, постоянно отдавливали ему ноги. Ну, ладно, подумал Гэлбрайт, пристегивая ремни безопасности, ему, как полицейскому, который служит народу, не привыкать к тому, чтобы терпеть всевозможные неудобства ради благополучия этого самого народа...

По левую руку от инспектора сидели двое — какой-то старик в котелке, который после посадки в самолёт сразу же начал дремать у иллюминатора, а также тощий молодой парень, который, съжившись в кресле, смотрел прямо перед собой. На вид ему было не больше девятнадцати, ну максимум двадцать один год. Вены на его руках были настолько заметны, что казалось, будто у него была прозрачная кожа. Гэлбрайт подумал о том, что этот парень, должно быть, впервые летит самолетом — настолько неуверенный вид был у этого вчерашнего школьника. Инспектор поудобнее устроился в кресле и хотел что-нибудь почитать, но, вспомнив о том, что его чемодан находился в данный момент в багажном отделении, отказался от этой мысли и, чтобы хоть чем-нибудь занять себя, стал смотреть в окно. К сожалению, за спиной дремлющего старика ничего не было видно. Гэлбрайт вздохнул и последовал примеру тощего парня, просто уставившись на спинку впереди находящегося сиденья.

Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как самолет взлетел, поскольку его мысли были сосредоточены на операции, ради которой его отправили в этот рейс. Хотя, «отправили» звучало немного неправильно — ведь на самом деле это он сам вызвался на неё, в то время как Полицейское бюро Портленда лишь приложило усилия к тому, чтобы помочь ему в этом деле. Само руководство считало, что в этой вспышке гнева Гэлбрайта его чувства возобладали над логикой, поэтому саму эту операцию — точнее говоря, её уместность — никто не воспринял всерьез, кроме самого Гэлбрайта.

Сидя вот так на своем месте, он боковым зрением заметил, как мимо него прошла стюардесса, везя тележку с холодными напитками. Инспектор поднял голову и стал наблюдать, как женщина останавливалась у каждого пассажира и, доставая одноразовые стаканчики, наполняла их тем или иным напитком и отдавала спрашивающему. Гэлбрайт хотел попросить у неё воды — он почувствовал, что у него пересохло в горле. Но как раз в тот момент, когда он собирался открыть рот, перед его глазами внезапно промелькнул вид того ужасного чая, который ему подали в кафе международного аэропорта Портленда.

Вид чашки, наполненной чёрной жидкостью, был настолько отвратителен инспектору, что он отказался от идеи попросить воды у стюардессы. Поэтому, когда та повернулась в его сторону, на её вопрос «Что вы будете пить?» он просто молча покачал головой, думая о том, что сможет потерпеть до Лондона. Затем женщина повторила свой вопрос, обращаясь к худощавому парню, но он также молча покачал головой. Гэлбрайт не мог удержаться, чтобы не подумать о том, что этот парень, видимо, попросту передразнил его самого. Когда дошла очередь до старика, сидевшего у иллюминатора, тот проснулся и, покачав головой, как обычно делают испуганные птицы, попросил у стюардессы вина.

«Алкоголь? В этом самолете?» — недоуменно спросил себя инспектор. Каково же было его удивление, когда стюардесса не только не попросила пассажира изменить свое решение, но, наоборот, взяла стеклянную бутылку, стоявшую где-то посередине картонных упаковок с соком, и, налив белого вина в пластиковый стаканчик, протянула его пожилому мужчине, который жадно протянул руку. Гэлбрайт наблюдал за тем, как тот залпом осушил маленький двухсотмиллилитровый стаканчик и, крикнув от удовольствия, смял его и засунул между сиденьями. После употребления этого напитка у старика на некоторое время пропал весь сон, и он, улыбаясь, повернулся к инспектору:

— Эй, вам не кажется, что это выглядит очень здорово? — старик явно пребывал в хорошем настроении.

— Ну, я просто сижу, лечу, никого не трогаю, — Гэлбрайту на самом деле не хотелось разговаривать, но не игнорировать же своего попутчика...

— Fabelhaft! — воскликнул старик по-немецки.

Затем, выглянув в иллюминатор, он снова повернулся к нему.

— По каким делам вы летите? — с каким-то подозрением спросил его старик.

— По личным, — сухо ответил ему Гэлбрайт.

«Не говорить же этому старику, что рядом с ним сидит полицейский инспектор», — подумал он про себя. Старик снова издал радостное восклицание по-немецки и, сказав пару добрых слов в адрес поданного ему вина, снова задремал у иллюминатора. Гэлбрайт только сейчас заметил, что пока он разговаривал со стариком, молодой парень продолжал молча сидеть, вжавшись в стул. Инспектор сразу начал строить предположения на этот счёт — из его мыслей вытекало, что либо этот парень был психически болен, либо же он просто витал сейчас в облаках, но не небесных, а наркотических...

Произнеся про себя слово «наркотических», Гэлбрайт внезапно заметил мимолетное сходство между дремлющим стариком и тем самым допельгенгером, которого ему удалось увидеть в портлендском метро накануне смерти своего друга Фаркрафта. Сходство включало — но не ограничивалось, — рукой старика, свисавшей с сиденья, а также тем фактом, что — очевидно, под воздействием алкоголя — его нижняя челюсть начала опускаться вниз. Правда, в отличие от того таинственного допельгенгера, по этому старику было ясно, что он просто задремал, в то время как видение в портлендском метро, напротив, производило впечатление спящего подобно мертвецу...

Отдавшись этим мыслям, Гэлбрайт не обратил внимания на то, что полёт уже подходил к концу. В салоне самолёта загорелся синий свет, и инспектор испытал странное ощущение — его внутренние органы, казалось, подпрыгнули внутри тела, как будто он падал с большой высоты в пропасть... Когда самолет наконец приземлился, из невидимых пассажиров динамиков раздался голос пилота, который сказал, чтобы люди не спешили вставать со своих кресел, но Гэлбрайту, если честно, надоело сидеть на одном месте. Он не встал, но, вопреки приказу, отстегнул ремень безопасности (что как раз и было запрещено делать). Спустя долгих десять минут тот же голос, искаженный динамиками, наконец соизволил сообщить пассажирам, что пилот прощается с ними и желает им всего наилучшего.

Инспектор встал, но от выхода до самолёта было ещё далеко — поскольку он сидел в самой задней части самолета, ему пришлось потратить дополнительное время на то, чтобы продвинуться вперёд шаг за шагом, стараясь не задевать остальных. Гэлбрайт не мог

избавиться от ощущения, что в данную секунду он был камнем, который медленно несут по реке, с той лишь разницей, что эта река была живой и имела пестрый цвет, а сам камень, будучи также живым существом, чувствовал усталость и злость. Когда Гэлбрайт наконец подошёл к выходу из самолета, стоявшая там стюардесса улыбнулась инспектору и сказала:

— Всегда к вашим услугам.

Инспектор невольно взглянул на неё с какой-то грустью. Он подумал о том, как, должно быть, устала эта хорошенькая девушка, судьба которой была стоять вот так в тесном помещении почти двенадцать часов в сутки и всем своим существом выражать совершенно незнакомым людям свою готовность выполнять их просьбы. Да, думал он, хорошо, что мужчин не берут в стюардессы — ибо лично сам Гэлбрайт не смог бы целый день стоять с маской лжи на лице, притворяясь, что ему безразличны люди, которым в любое другое время он бы даже руки не протянул, не говоря уже о том, чтобы выполнять их прихоти...

Выйдя на пандус, он невольно вздохнул с облегчением — приятно было наконец оказаться на свежем воздухе. Спускаясь, он заметил, что небо было затянуто тучами. Он недовольно нахмурился — не было абсолютно ничего хорошего в том, чтобы по прибытии в другую страну сразу попасть под дождь и промокнуть, — а поскольку Гэлбрайт не взял с собой зонт, то это были более чем оправданные опасения...

Затем последовала долгая и утомительная суeta в лондонском аэропорту Хитроу — инспектор даже не хотел сосредотачивать на этом свои мысли, ведь в любом случае всё, что ему нужно было делать, это следовать за толпой других пассажиров и повторять их действия. Поэтому мозги он включил только тогда, когда, уже с чемоданом в руках, он стоял у выхода из аэропорта. Гэлбрайт огляделся в поисках такси. Хорошо, что в этот день, несмотря на погоду, у входа была целая толпа. Инспектор двинулся вперёд и довольно скоро увидел мужчину, который стоял рядом со своей машиной и курил сигарету.

— Здравствуйте! — начал Гэлбрайт, подходя к нему. — Не могли бы вы подбросить меня до «Стэйт оф Сноу Лэйк»?

Таксист тут же сел в машину, а инспектор поставил чемодан на соседнее сиденье и устроился поудобнее.

— Вы имеете в виду отель на Куинсборо Террас? — спросил его водитель, включая зажигание.

— Да, — коротко ответил Гэлбрайт.

Такси начало медленно выезжать из аэропорта. Инспектору стало интересно, каким же окажется этот отель, в котором ему забронировали номер дорогие господа покровители из полицейского управления Портленда...

— Почему вы выбрали такой паршивый отель? — внезапно послышался хриплый голос.

Гэлбрайт вздрогнул — но это был всего лишь водитель такси, который, продолжая держать руки на руле, подмигнув ему в зеркало заднего вида. Этот неожиданный вопрос вырвал инспектора из водоворота его мыслей и на некоторое время он перестал думать о своих проблемах.

— Паршивый? Что вы имеете в виду? — удивился инспектор реплике водителя.

— Разве вы не смотрели на рейтинг отеля, когда бронировали в нём номер? — водитель,

казалось, упрекал своего пассажира.

— Хмм... Меня волновала исключительно его цена, — отмахнулся Гэлбрайт. Не он выбирал этот отель...

Таксист, услышав его ответ, пустился в громкие пространные размышления по поводу того, что господин иностранец допустил ошибку, причём говорил он это с интонацией, с которой учитель отчитывает провинившегося ученика. Гэлбрайту надоело выслушивать эти разглагольствования.

— Послушайте, я просто не люблю туристов, — ответил он фамильярным тоном, — и если этот отель так плох, как вы утверждаете, то это означает, что я, по сути, буду там один.

— Ах вы мизантроп! — ответил его собеседник почти с отеческой интонацией.

Гэлбрайт не смог удержаться от смеха над этим определением. Таксист тоже последовал его примеру, и разговор на некоторое время прекратился.

После пяти минут молчания таксист, продолжая держать руки на руле, шмыгнул носом, и в зеркало заднего вида инспектор увидел, как на морщинистом лице мужчины появилась ухмылка.

— Кажется, я наконец-то понял, почему вы выбрали этот отель, — сказал таксист понимающим тоном.

— Ну и почему, интересно узнать? — с любопытством спросил Гэлбрайт.

— Согласно рекламным буклетам, в одном из его номеров останавливалась некая персона...

И лондонский водитель назвал имя одного писателя, которое было хорошо известно всем тем, кто хотя бы раз в жизни интересовался американской литературой. В ответ на это его пассажир лишь почесал усы и молча покачал головой. Таксист воспринял это как знак того, что Гэлбрайт позволяет ему продолжать болтовню — он шумно вздохнул и после короткой паузы сказал:

— Я полностью с вами согласен! — при этом он улыбнулся.

— Извините, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду... — не понял его Гэлбрайт.

— Я о том, — перебил его водитель, — что этот бумагомаратель не делает чести отелю, в который я вас сейчас везу!

В голосе мужчины слышалось неподдельное негодование.

— Это совершенно не то, что я имел в виду, — запротестовал Гэлбрайт, которому уже начал надоедать подобный тон водителя.

— Я бы даже сказал, что он только позорит это заведение, усугубляя и без того низкий уровень его сервиса, — всё громче и громче говорил таксист.

— Ради Бога, успокойтесь... — без особой надежды попросил его пассажир.

— Потому что это не писатель, — мужчина за рулем уже кричал, — это подлый бизнесмен! Он попросту напал на золотую жилу и его не волнует уровень образования своей читательской

аудитории!

— Ну сколько можно... — инспектор, слушая эту полную критики тираду, вытер пот со лба.

— Напротив, он специально потакает самым низменным инстинктам самых необразованных и отсталых слоёв населения, в чём вы сейчас сами убедитесь! — не унимался водитель.

Гэлбрайт понял, что бессмысленно пытаться успокоить этого англичанина, вообразившего, что он знает о писателях лучше, чем все члены Лиги американских писателей вместе взятые. Поэтому полицейский решил смириться с этим и, постаравшись принять безразличный вид, откинул голову на спинку сиденья.

— Вы только послушайте, — тоном строгого учителя заговорил таксист, — что я умудрился прочесть на самой первой странице его книжонки! «Белая сучка снова взяла в рот», — с едва сдерживаемой яростью процитировал он на весь салон машины.

При этих словах Гэлбрайт невольно открыл глаза.

— Пожалуйста, не сквернословьте, — попытался он пристыдить мужчину.

Но собеседник проигнорировал его слова.

— На самой первой странице, самой первой! — словно зачитывая приговор перед залом суда, взволнованно продолжал таксист. — Беря эту книгу в руки, я собирался получить пищу для размышлений, но её страницы встретили меня жаргоном невоспитанных подростков!

Его пассажир, которого постепенно начинали забавлять эти крики, поднял глаза на сиденье, в котором сидел водитель.

— Можно подумать, — начал Гэлбрайт спокойным тоном, — что вы ожидали от жанра мистического ужаса чего-то возвышенного и утонченного.

Сказав это, инспектор зевнул и уставился в окно.

— Ожидал? — крикнул водитель. — Это должно быть обычным положением дел! Вы знаете писателя по фамилии Лем? — он вдруг повернулся к пассажиру.

— Лем... — задумчиво произнес Гэлбрайт.

Он начал перебирать в уме имена всех тех писателей, которых ему доводилось читать в юности. Увы, никто с такой фамилией не приходил ему на ум.

— Повторяю, вам что-нибудь говорит фамилия Лема? — глаза водителя несколько раз моргнули.

«Не хватало ещё, чтобы его кондрашкахватила», — подумал инспектор о таксисте, и ему стало неловко.

— Ну, — начал он, — я читал роман «Мотлис» писателя с такой фамилией, некоего Стейнара Лема.

На самом деле это была ложь — инспектор никогда не брал в руки такую книгу, он только видел её название в одном из списков норвежских бестселлеров. Водитель снова повернулся к рулю. Недовольное фырканье, которое он издал, убедило Гэлбрайта в том, что старику в

лучшем случае не понравился его ответ, а в худшем — был воспринят как оскорбление. Но, по крайней мере, он наконец-то прекратил вести литературные дебаты со своим пассажиром. По-видимому, тот факт, что инспектору был известен тёзка его любимого писателя, позволил таксисту проникнуться к нему некоторым уважением, что подтверждал слегка оживленный вид мужчины, а также то обстоятельство, что следующие пятнадцать минут поездки от лондонского аэропорта Хитроу до здания отеля «Стэйт оф Сноу Лэйк» прошли в полном молчании.

Когда машина наконец доставила инспектора полиции к месту назначения, таксист нажал на тормоз и высунулся из окна. После того как старик несколько секунд любовался двумя женщинами, идущими по улице в направлении его машины, его лицо просветлело, и он торжествующе произнес «Девяносто фунтов стерлингов». Его пассажир молча кивнул и достал деньги.

— Вот и всё, я привез вас в этот гадюшник! — сочувственным тоном произнес таксист после того, как забрал деньги.

— Вам что, меня жалко? — весело спросил его Гэлбрайт, вытаскивая чемодан из машины.

— Я бы так не сказал, но... — ответив после паузы, мужчина вдруг замолкнул на полуслове.

Инспектор вышел из машины и собирался закрыть дверцу, но водитель, снова высунув голову из окна, посмотрел на него.

— Если вам не понравится этот отель, то не сердитесь на меня за то, что я привез вас сюда! — в его словах инспектор почувствовал мольбу.

— Не берите в голову! — ещё веселее сказал Гэлбрайт.

Он помахал водителю, который уже отъезжал, после чего повернулся на каблуках и, вздохнув, посмотрел на здание. Первое, что бросилось в глаза Гэлбрайту, была вывеска, висевшая над дверью — простая прямоугольная деревянная табличка, выкрашенная в белый цвет. На ней было написано толстыми красными буквами «Стэйт оф Сноу Лэйк». Турист из Портленда не мог отделаться от мысли, что этот знак, должно быть, принадлежал кисти ребёнка владельца отеля — настолько неуклюжими были буквы. «Не самое удачное начало для сегодняшнего дня», — промелькнуло у него в голове.

Гэлбрайт потянул дверь на себя и переступил порог. В прохладной зоне регистрации был только один человек — уже немолодой мужчина в поношенном сюртуке, который стоял за непритязательного вида стойкой и со скукой смотрел прямо перед собой, перебирая лежавшие перед ним игральные карты. Однако при виде вошедшего Гэлбрайта мужчина немедленно оставил это занятие и встал по стойке смирно перед гостем.

— Доброе утро, и добро пожаловать в наш отель! — невероятно торжественным тоном крикнул администратор и отдал честь.

Глядя на это, инспектор невольно подумал о том, что этот человек, по-видимому, раньше служил в армии — в нем была какая-то прыть, которая могла быть отголоском молодых лет, проведенных на военном плацу. Непроизвольно любуюсь администратором, Гэлбрайт едва не забыл о том, что ему нужно предоставить мужчине квитанцию о бронировании. С этой мыслью гость поставил чемодан на пол и достал бумажник.

Когда старик в сюртуке взял из рук Гэлбрайта маленький листок бумаги и развернул его, то в

его глазах, казалось, зажглись озорные огоньки. Он принялся изучать этот невзрачный листок бумаги с таким любопытством, что инспектор невольно подумал, что там были указаны не какие-то несчастные данные о номере и дате заезда, но вся его, Гэлбрайта, подноготная. Не хватало ещё, подумал инспектор, чтобы администратор ни с того ни с сего отказал ему в разрешении заселиться в отель. К счастью, это оказались лишь опасения.

— Могу я взглянуть на ваши документы? — администратор посмотрел на Гэлбрайта.

На сердце инспектора сразу полегчало. Он протянул мужчине, одетому в сюртук, свой паспорт, который был синим с золотыми буквами. Администратор немедленно взял его в руки и открыл его. Пробежавшись глазами по первой странице, он внезапно обратился к Гэлбрайту:

— Да вы прямо как блудный сын! — сказал он таким тоном, будто сделал неожиданное открытие.

— Стесняюсь спросить, что именно навело вас на такую мысль? — недоуменно переспросил инспектор.

— Вы сменили место жительства на Америку, но теперь вернулись обратно в лоно своей родины! — продолжал администратор.

Ах да, эта чёртова графа «место рождения», чтобы она сгинула... Гэлбрайт начал подыскивать слова — он, конечно, понимал, что слова администратора были всего лишь шуткой, но инспектору казалось, что лучше перестраховаться и объяснить с этим человеком, от которого будет зависеть, где ему получится провести ночь в этой стране.

— Видите ли, я просто не смог найти в Глостере работу по своей специальности, поэтому решил переехать за границу, — начал смущенно оправдываться Гэлбрайт.

Только когда он это произнёс, до него наконец дошло, насколько глупым было подобное оправдание — в конце концов, если бы его собеседник решил поинтересоваться, о какой такой «специальности» он вёл речь, то в таком случае могло бы всплыть на поверхность, что Гэлбрайт на самом деле был инспектором полиции, и тогда его инкогнито рассыпалось бы на глазах. Но, к счастью для него, администратор отеля удовлетворился этим ответом, и, вернув ему паспорт, повернулся к шкафчикам и начал рыться в них в поисках ключа. Гэлбрайт, воспользовавшись тем, что старик в этот момент стоял к нему спиной, позволил себе вытереть пот, выступивший у него на лбу от волнения.

— Вот, возьмите ваш ключ от номера, — обернулся к нему администратор.

Инспектор принял из его рук невзрачный на вид ключ с брелком. Старик в сюртуке начал говорить что-то об особенностях проживания в их отеле, рассказывал о графике уборки, смене полотенец и о многом другом, но Гэлбрайт, который чувствовал себя уставшим, игнорировал его слова. Единственное, что он запомнил, это то, что, поскольку он снял номер типа «Рум Онли», то ему придется питаться за пределами отеля.

— Сколько вся эта музыка стоит? — усталым тоном спросил Гэлбрайт, открывая свой бумажник.

Администратор, достав из-под стойки калькулятор, сообщил гостю, что за одну ночь в отеле «Стэйт оф Сноу Лэйк» платят около шестидесяти фунтов стерлингов. Гэлбрайт терпеливо ждал, пока старик, который не носил очков, неторопливо тыкал в кнопки электронного гаджета. В итоге сумма, которую выдало это маленькое устройство, составила около

четырехсот пятидесяти фунтов стерлингов. Неплохо, подумал инспектор, выкладывая на стойку толстую пачку банкнот. Администратор молниеносно взял деньги и, даже не пересчитав их (что немного смутило инспектора), положил себе в карман. В голове Гэлбрайта промелькнула безумная мысль о том, сколько из этих денег будет потрачено на сам отель, а сколько — на развлечения самого старика.

Затем администратор вышел из-за стойки и знаком пригласил гостя следовать за собой. Пока они шли к лестнице, Гэлбрайт не мог отделаться от мысли, что, если бы его покровители из полицейского управления Портленда были осведомлены о жизни в Лондоне, они, вероятно, не стали бы бронировать ему номер в этом отеле, который одним своим видом сигнализировал о том, что человеку, оказавшемуся в его стенах, нужно быть начеку.

— У нас нет лифта, так что поднимайтесь наверх на своих двоих, — еле слышно сказал администратор.

Старик во фраке приглашающим жестом указал на лестницу и, сделав вид, что не заметил недовольного взгляда Гэлбрайта, вернулся в зону регистрации. Недовольство инспектора заключалось в том, что он, будучи уставшим после перелета, не был готов к тому, чтобы тащить свой чемодан вверх по ступенькам. Проводив взглядом уходящего старика, Гэлбрайт начал подниматься наверх, успокаивая себя тем, что он, в конце концов, суровый полицейский инспектор, а не какая-то кисейная барышня. Поднявшись на четвертый этаж и переведя дух, он открыл дверь в свой номер.

От того, что открылось его взору, Гэлбрайт был, мягко говоря, не в восторге — достаточно было поверхностного взгляда на обшарпанную прикроватную тумбочку, чтобы понять, что администратор явно не тратил ни фунта на обновление мебели в номерах. Далее стало только хуже — сняв пиджак, инспектор собирался поставить свой чемодан на стул, но каково же было его удивление, когда оказалось, что в комнате нет ни одного представителя этого важного предмета мебели. Поэтому инспектору с досадой пришлось поставить чемодан на обувную лавку. Более того, при внимательном рассмотрении оказалось, что все абажуры, висевшие на потолке, были покрыты таким толстым слоем ржавчины, что казалось, будто это были экспонаты времён железного века.

Инспектор прошел в ванную комнату, которая была совмещена с туалетом. Он с недовольством отметил, что стенки унитаза были покрыты рыжим налетом. Когда он хотел запереть обшарпанную деревянную дверь, ему пришлось быть очень осторожным, потому что задвижка почти не держалась и, казалось, могла упасть на пол в любую секунду. Гэлбрайт сделал свои грязные делишки и, ополоснувшись, уже собирался было выходить, но к его несчастью дверь заклинило. Почти три минуты он боролся с защёлкой, которая, казалось, имела собственный разум и ни в какую не желала выпускать человека, предавшего свою родину ради жизни на земле обетованной.

Когда заклинившая защёлка наконец соизволила пойти на уступки человеку и выпустила инспектора на свободу, Гэлбрайт уже настолько устал от всего, что не стал распаковывать свои вещи, а сразу же лёг в постель. Раздевшись, он сунул руку под одеяло и с раздражением заметил, что простыня была прожжена сигаретой, а в пододеяльнике была дырка. Натянув на себя одеяло, он подумал о том, чтобы попросить завтра сменить ему постельное белье. Как бы то ни было, инспектор был настолько измучен перелётом, что, как только закрыл глаза, то сразу же уснул.

Во сне Гэлбрайт оказался в комнате, чем-то похожей на гостиницу в загородном коттедже — хорошо обставленной, со множеством предметов мебели, из которых сразу бросились в глаза

ковры на стенах, полка со старинными саблями, огромным шкафом с книгами, украшенным лепниной камином (вид которого откровенно портил валявшийся в нём скомканный лист бумаги) а также одним единственным окном, занавешенным настолько плотно, что единственным источником света в комнате была маленькая стеариновая свеча, стоявшая на лакированном столе, за которым на простом деревянном стуле сидел сам Гэлбрайт. Напротив себя он увидел господина главного инспектора Сеймура, одетого в кремовый свитер, из-под которого виднелся воротник белой рубашки, украшенный шелковым галстуком. Сеймур держал руки под столом, отчего вся его фигура казалась сутулой, хотя главный инспектор был далеко не хилым человеком. Последнее обстоятельство слегка смутило Гэлбрайта, который смотрел собеседнику прямо в лицо, но слабый свет свечи не позволял ему как следует рассмотреть черты лица сидевшего напротив него человека.

Некоторое время они неподвижно сидели друг напротив друга, пристально глядя друг другу в глаза. В тишине, стоявшей в этом месте, чувствовалось какое-то смутное напряжение, словно каждый из собеседников собирался с минуты на минуту напасть друг на друга, но всё никак не мог решиться. Когда тишина стала совершенно невыносимой, Гэлбрайт перевёл взгляд на стену, на которой висели старинные сабли и кинжалы — не для того, чтобы, если что, завладеть оружием, но лишь потому, что хотел на минуту прервать этот тягостный зрительный контакт. Но тут именно в этот момент господин главный инспектор, словно заметив это движение его глазных яблок, подал голос, и Гэлбрайту пришлось снова поднять глаза на своего собеседника.

— С высоты моего жизненного опыта, — начал Сеймур своим обычным беспристрастным тоном, — я вижу, насколько вы далеки от истинного положения дел. Если вы не возражаете, я поделюсь с вами некоторыми своими мыслями относительно нелёгкой ситуации, в которую вы угодили.

Мягкий старческий голос господина главного инспектора подействовал на Гэлбрайта успокаивающим образом. На какое-то время он проникся к нему полным доверием, совершенно забыв о том, насколько подозрительным было то место, где они в данный момент находились. Инспектор не стал возражать против слов Сеймура и без дальнейших вопросов принял его предложение с молчаливой покорностью.

— Дело, расследованием которого вы сейчас занимаетесь, — продолжал собеседник, — относится к несколько необычной сфере. Проблематика вопроса, которое оно ставит перед вами, выходит далеко за рамки юрисдикции и методологии. Я предполагаю, что ответы, которых вы добиваетесь, стоит искать в области, о которой полиция как правило никогда не задумывается, — при этих словах Сеймур сделал паузу.

Гэлбрайт, слушая господина главного инспектора, только сейчас заметил, что лицевые мышцы его собеседника ни разу не сократились за всё это время, несмотря на поток слов, извергавшийся из его уст. Щёки, скулы и губы господина главного инспектора были совершенно неподвижны, как будто он вообще ничего не говорил. Гэлбрайт попытался заглянуть ему в глаза, чтобы хоть что-то понять, но темнота в комнате скрывала всё, и только дрожащий и бледный огонёк свечи позволял ему хоть как-то видеть поверхность стола и челюсти сидящего по другую сторону мужчины.

— Всё дело в вере, — продолжал господин главный инспектор, — но не в Господа Бога нашего, как вы бы могли себе представить, а в преступника.

Такое заключение из уст Сеймура было настолько несовместимо с его обычным мировоззрением, что Гэлбрайту в ту же секунду захотелось задать вопрос, который вертелся у

него на языке с самого начала их разговора, но как только он попытался было открыть рот, то вдруг с ужасом заметил, что его язык словно прилип к нёбу и он не может издать ни звука. Гэлбрайт тут же впал в панику, не понимая, что происходит. А старческий голос продолжал раздаваться из-за плотно сжатых губ господина главного инспектора, отчего создавалось впечатление, что это был не живой голос, но запись на магнитной ленте, воспроизводимая невидимым в темноте кассетным магнитофоном.

— Доктор Бэйзлард совершил преступление, — говорил Сеймур, — я не могу не признать неопровержимость данного факта. Но приходила ли вам когда-нибудь в голову мысль, что он совершил свой поступок ради вас самих? Точно так же, как кит не может жить в океане без планктона, так и полицейский не может существовать в обществе без правонарушителей.

От этих слов Гэлбрайту стало не по себе. К охватившей его панике добавилось иррациональное чувство стыда, как будто ему было некомфортно из-за того, что, как казалось, вокруг его скромной персоны вращался целый мир, пускай даже если это был мир одних лишь преступников. Отведя взгляд от своего собеседника, Гэлбрайт вдруг заметил, что занавеска, висевшая перед окном, немного торчала вперёд, как будто была натянута на какой-то крупный предмет размером с человека. Выпучив глаза, Гэлбрайт несколько секунд вглядывался в занавеску, и хотя он не мог разглядеть точных очертаний в темноте, но в его голове сразу же возникла мысль о том, что, помимо него и господина главного инспектора, в комнате находился ещё один человек, который до поры до времени не решался показываться им на глаза.

— В мире должны существовать как полиция, так и гробы, перед которыми первые обязаны нести свою службу, — раздался ровный голос Сеймура. — В преступлении доктора Бэйзларда кроется ваше спокойствие, а в его собственной личности — спасение.

Словно в ответ на эти слова Сеймура занавески вдруг сдвинулись, и Гэлбрайт увидел мелькнувший в темноте силуэт невысокого и полного мужчины. Незнакомый сразу же встал за спиной главного инспектора, и Гэлбрайт увидел знакомые ему пиджак и брюки, хотя и несколько размытые в темноте, — ибо это был тот самый костюм, в которых был доктор Бэйзлард в тот момент, когда Гэлбрайт настиг его у входа в его дом. Но инспектор не спешил признаваться себе в том, что этим странным субъектом был сам доктор, потому что, не считая общей между ними одежды, этот человек вовсе не производил впечатления старого и потрепанного человека; напротив, под одеждой можно было разглядеть сильное мускулистое тело, а движения незнакомца были наполнены чуть ли не юношеской энергией.

— И именно поэтому вы никогда не сможете его поймать, — продолжал господин главный инспектор. — В конце концов, с его поимкой ваше собственное существование подойдет к своему логическому концу. В моих словах нет ошибки — вся история с молодой леди, скончавшейся после операции доктора Бэйзларда, является не столько событием настоящего, сколько предвестником будущего. Точнее, это предзнаменование, или, как говорили римляне, «омен», — Сеймур сделал ударение на последнем слове, будто стараясь придать ему мистический оттенок.

Гэлбрайт хотел спросить, понимает ли сам господин главный инспектор, предзнаменованием — ну или же «оменом» — чего именно могла быть смерть Делии, но в тот же момент незнакомец резко дернул своей рукой, после чего голова Сеймура отделилась от шеи. Но это нельзя было назвать обезглавливанием, потому что это возможно только с живым существом, в то время как на месте шеи господина главного инспектора вместо явной кровавой раны блеснула гладкая поверхность полированного дерева. А когда сама голова, вместо того чтобы упасть на пол, начала выделять в воздухе замысловатые кульбиты, Гэлбрайту стало ясно, что

незнакомец дёрнул за рычаг крана, к которому эта самая голова была прикреплена при помощи невидимой в темноте нейлоновой нити.

Однако времени размышлять о происходящем у Гэлбрайта не было — деревянная голова господина главного инспектора бешено летала по комнате, угрожая огреть любого, кто встанет у неё на пути, в то время как сам обезглавленный манекен в костюме Сеймура к тому моменту исчез со стула со звуком упавшего на пол чурбана. Оставшись наедине с незнакомцем, всё ещё скрытым в темноте, Гэлбрайт не мог не испытывать перед тем некоторой робости и даже чего-то вроде уважения — во всяком случае за то, что незнакомец каким-то образом смог организовать всю эту историю с искусственным манекеном господина главного инспектора и магнитофонной записью его речи. Было совершенно непонятно, зачем и, главное, для кого всё это могло быть предназначено, но Гэлбрайт счёл излишним спрашивать незнакомца об этом — ибо он всё равно не мог вымолвить ни слова, потому что язык ему не повиновался. Пытаясь встать из-за стола, он чуть не потерял равновесие и вдруг заметил, как деревянная голова Сеймура пролетела над столом и ударилась о стоящую на нём свечу — в ту же секунду её пламя погасло, и в комнате стало по-настоящему темно...

Проснувшись на следующий день, Гэлбрайт невольно опешил, увидев вокруг себя вместо родной квартиры непривычный интерьер номера отеля «Стэйт оф Сноу Лэйк», но то был лишь мимолетный момент замешательства. Размышляя над своим кошмаром, он решил, что фантазмагоричность происходящих в нём событий объяснялась тем фактом, что человеческий мозг при перелёте с одного континента на другой адаптировался к новым условиям, дабы быть готовым воспринять всё, с чем человеку придется столкнуться в принципиально незнакомой стране.

Первое, что Гэлбрайту захотелось сделать после сна, — это умыться и почистить зубы. Он направился в ванную, но, вспомнив, что со вчерашнего дня забыл достать зубную щетку, с некоторым раздражением направился к своему чемодану. Открыв его, инспектор присел на корточки и начал рыться в его содержимом. Предмет, который он искал, оказался в самой глубине чемодана. Доставая зубную щетку, Гэлбрайт невольно обратил внимание на лежавшую в чемодане пачку белых листов — это были материалы по делу его друга Фаркрафта, которое тот вёл перед своей смертью. Вздохнув, полицейский достал эти бумаги из чемодана и, положив их на стол, пошёл приводить себя в порядок.

Умывшись, Гэлбрайт вышел из ванной, на ходу вытирая лицо полотенцем, и снова посмотрел на письменный стол. «Да», — подумал он, — «я все это время откладывал чтение этого документа...» Он повесил полотенце на дверную ручку и, взяв в руки стопку бумаг, растянулся на кровати — ибо что в этом гостиничном номере негде было сесть. Инспектор приступил к чтению этого грандиозного опуса впервые с тех пор, как его автор лично вручил бумаги Гэлбрайту в кабинете господина главного инспектора Сеймура. На первых страницах было краткое введение, в котором Фаркрафт указал, что к теме расследования его привели слова культуролога Джафета Бирнса, друга и коллеги Джордана Тёрлоу.

Дело в том, что когда инспектор допрашивал мистера Бирнса на предмет его домогательств к некой Делии, дочери фармацевта Йонса, Джафет всё отрицал, но во время этой процедуры признался Фаркрафту в том, что в тот роковой день он записал несколько слов маленькой девочки в свой блокнот. Когда инспектор спросил, для каких целей мистер Бирнс это сделал, тот, после небольшого колебания, признался полицейскому, что, по его мнению, для людей, носящих греческие имена, жизнь всегда складывается довольно печальным образом. Когда Фаркрафт попросил привести пример, Джафет ответил, что инспектору полиции достаточно просто просмотреть список погибших за любой день, чтобы заметить, что среди граждан будет обнаружено много людей с именами греческого происхождения. Прочитав эти строки,

Гэлбрайт не мог не заметить, что мистер Бирнс, видимо, обладал задатками человека, работающего со статистикой, и задался вопросом, почему тот всё-таки решил выбрать профессию культуролога, а не пойти, например, в институт маркетинговых исследований, где Джафет мог бы направить свои способности в нужное русло.

Мысли Гэлбрайта вернулись к Фаркрафту, с которым они вместе учились в полицейской академии Портленда и даже делили одну комнату в общежитии. Проводя параллели с коллегой Джордана Тёрлоу, инспектор не мог не вспомнить, что судьба его собственного друга была во многом схожей — ибо Фаркрафт с детства лелеял мечту стать писателем, а полицейским ему пришлось стать лишь потому, что пришел к выводу о том, что если он напишет какую-нибудь книгу, относительно которой читатели скажут, что она якобы оскорбляет какие-то их чувства, то горе-писаке до конца жизни не отмыться от позора.

В контексте этого Гэлбрайт вспомнил эпизод из их студенческой жизни. Однажды воскресным днем Фаркрафт, оставшись с ним наедине в своём любимом кафе, начал рассказывать своему другу о том, как, ещё будучи студентом Портлендского университета (куда Фаркрафт поступил именно для того, чтобы выучиться на писателя), написал для зачёта рассказ по мотивам «Портрета Дориана Грея» Оскара Уайльда. Гэлбрайт всё еще помнил содержание работы своего друга, хотя даже не брал её в руки — но иногда бывает так, что произведение, рассказанное вслух, западает в душу гораздо сильнее, чем прочитанное самим человеком. Так было и с рассказом Фаркрафта, которому несостоявшийся писатель дал несколько нескромное и претенциозное название «Дориан Рэд». На самом деле это была любопытная переработка той части книги, где Джеймс Вэйн возвращался из Австралии в Англию...

Фаркрафт, используя тех же персонажей великого ирландского драматурга, заставил их действовать в соответствии со своим сюжетом. По плану будущего американского инспектора, когда Джеймс Вэйн высаживается с корабля в английском порту, то его сразу же вербуют в штаб революционеров, которые, чтобы проверить способности моряка, дают ему задание убить Дориана Грея — который, как утверждалось ещё в оригинальном произведении, имел среди молодежи репутацию известного гедониста. Как и в оригинале, Джеймс Вэйн случайно погибает от пули сэра Джеффри Клоустона — брата герцогини Монмоут. Но то, что последовало за этим моментом, имело довольно странное продолжение, которое совершенно не соответствовало событиям, происходившим на страницах книги Оскара Уайльда. Смерть брата Сибиллы Вэйн не сошла сэру Джеффри Клоустону с рук, как это было у классика английской литературы. В переделке американского студента это, наоборот, вызвало бурную реакцию у тех, кто завербовал Джеймса Вэйна.

Как писал Фаркрафт, рабочие устраивают засаду на дороге, по которой на свою беду ехал брат герцогини Монмоут. Революционеры нападают на карету сэра Джеффри Клоустона и, убив её владельца, направляются на ней в Лондон. Эта новость быстро доходит до ушей английских аристократов, которые, понимая, что это был «омен» (то есть предзнаменование) к восстанию пролетарского класса, решают обрушить на бунтовщиков все силы полиции. Тем временем главари восстания уже прибывают в столицу и направляются в рабочие кварталы, где призывают людей выйти на улицы и собраться на главной площади. Вскоре все рабочие Лондона лавиной устремляются туда, одновременно сжигая всё на своем пути огнем революции. Фаркрафт закончил свой рассказ тем, что Дориан Грей, глядя на то, как столица Англии была охвачена пожаром, решает, что не хочет умирать от рук рабочих и, как в оригинальном произведении, бежит на чердак, где вонзает нож в портрет и умирает.

Гэлбрайт тогда был поражен тем, как его другу вообще пришло в голову найти революционный подтекст в романе, который по сути был гимном гедонизму. Фаркрафт ответил, что преподаватели Портлендского университета также были в недоумении, когда он представил

им для зачёта рукопись этого рассказа. Только их удивление вылилось в то, что на следующий день студент был с позором исключен из альма-матер под предлогом того, что его работа якобы была пропагандой коммунизма. Фаркрафт сказал, что всё это была чушь, ибо своим рассказом он хотел передать идею о том, как смерть какого-нибудь неприметного человека — в его случае, несчастного моряка Джеймса Вэйна — может привести к чему-то глобальному. Но, увы, в головах преподавательского состава, как с горечью отметил будущий инспектор, казалось, были только мысли о поиске подтекста, связанного с СССР, даже там, где его на самом деле не было. Гэлбрайт невольно вспомнил, что в 1981 году (когда он фактически поступил в полицейскую академию) Советский Союз всё ещё представлял серьёзную угрозу для всего остального мира, и ощущение, что следующий день не наступит из-за возможного ядерного удара, иногда преследовало Гэлбрайта в те далекие дни...

Инспектор продолжал лежать в постели, перекинув ноги через изголовье. Несмотря на то, что он намеревался ознакомиться с документами по делу Фаркрафта, он не мог не подумать о самом их авторе. «Да», — подумал Гэлбрайт, — «мне всего тридцать один год, но склероз уже прогрессирует...» Внезапно он почувствовал острый голод. В последний раз он ел — если глоток чая можно назвать едой — ещё в Америке, в международном аэропорту Портленда. Полицейский с некоторой неохотой спустил ноги на пол и, сидя на кровати, случайно выронил листы бумаги на пол. «Совсем развалиной стал», — снова подумал он про себя. Гэлбрайт опустил на пол — бумаги, которые, не будучи скрепленными вместе, разлетелись во все стороны. Он начал собирать их, но так как не знал правильного порядка, то просто брал один лист за другим и, собрав их все в одну стопку, положил её на письменный стол. Покончив с этим делом, он выдохнул — ибо ему было не очень легко лазить по полу за бумагами — после чего направился к окну, занавешенному тюлевыми занавесками. Отодвинув их в сторону, Гэлбрайт вплотную подошел к подоконнику и стал разглядывать городской пейзаж, раскинувшийся под окном.

Он посмотрел на проезжающие по дороге машины. В лучах утреннего солнца они выглядели так, словно были отлиты из какого-то блестящего материала — инспектор даже не мог подобрать слов, настолько он был очарован этим зрелищем. Он не мог понять, почему это в сущности обычное зрелище так привлекло его. Вероятно, дело было в том, что машины, которые он видел в Портленде, были мало похожи на те, что ездили по улицам Лондона. Глядя на уличное движение, Гэлбрайт вдруг поймал себя на мысли, что невольно воспринимал улицу как игрушечный стол, а фигурки машин — как игрушки, которые управлялись по воле невидимого ребёнка, переключающего кнопки на пульте дистанционного управления. Возможно, причина подобного могла заключаться в том, что полицейский ещё не до конца проснулся, из-за чего движения машин, слишком быстрые для его сонных глаз, казались ему неровными, не обладая плавностью, присущей для реального мира. В конце концов он стал свидетелем того, как какой-то большой грузовик врезался в красный автомобиль с откидным верхом.

— Вот и всё, малыш, сломалась твоя машинка, придется тебе теперь умолять своего папу купить новую игрушку, — сказал Гэлбрайт, словно обращаясь к ребёнку.

Неправильный смысл его собственных слов дошёл до него только тогда, когда дверь кабины грузовика внезапно открылась и оттуда выпрыгнул водитель — только тогда Гэлбрайт очнулся от своего транса и понял, что произошедшее было не симуляцией, но реальным миром, и что внизу действительно случилась настоящая авария, а не какая-то игра с игрушечными машинками. «Да», — подумал Гэлбрайт, — «у меня, видать, прогрессирует комплекс Бога, коль я так отношусь к тому, что происходит вокруг меня». С другой стороны, какое ему было дело до этого несчастного случая? Да, он, конечно, является служителем закона и порядка, но совершенно другой страны — в то время как в Лондоне он, по сути, был всего лишь обычным

туристом, у которого прав ещё меньше, чем у любого коренного жителя Англии.

Гэлбрайт поспешно отошел от окна — ибо одно дело, когда снаружи мирно едут машины, и совсем другое, когда на дороге разворачивается трагедия — поскольку, насколько он помнил, грузовик разрушил почти всю переднюю часть кабриолета, ввиду чего у Гэлбрайта были большие сомнения в том, что бедняге удалось выжить. Инспектор оделся и вышел из комнаты в коридор. Он вспомнил, что забронировал номер типа «Рум Онли», так что волей-неволей ему придётся питаться в каком-нибудь ресторане. Ничего особенного, думал Гэлбрайт, спускаясь по лестнице, — в этом отеле «Стэйт оф Сноу Лэйк» он уже увидел так много вещей, выходящих за рамки нормы, что одна мысль о том, что он ещё и питаться тут начнёт, вызвала у него отвращение.

Спустившись вниз, он вышел из отеля и, подняв воротник пиджака — ибо, несмотря на солнце, на улице дул холодный ветер, — зашагал вперед, не совсем понимая, куда приведут его узкие улочки этого квартала. Инспектор с неприятным удивлением отметил, что прогулка по улицам Лондона стала настоящим испытанием для его барабанных перепонки. Дело в том, что Гэлбрайт привык к тому, что на улицах Портленда было не очень много машин, и поэтому на улицах там было довольно тихо. Здесь же, казалось, воздух был просто наполнен шумом — даже в переулках, где не было видно основных дорог, шум машин не стихал ни на минуту. В голову Гэлбрайта закрались безумные мысли о том, что под асфальтом, вероятно, были зарыты какие-то турбины, ибо ну что ещё могло быть источником гула — не радиация же в конце концов?

Бродя по улицам, он не мог не думать с нежностью о своем номере в том ужасном отеле — ведь там он, по крайней мере, был в тишине. Гэлбрайт был голоден, поэтому не спешил возвращаться обратно, но после лондонских улиц убогий номер в «Стэйт оф Сноу Лэйк» представал перед его взором уже в ином свете. «Я вернусь», — подумал он, — «и буду наслаждаться тишиной». Внезапно Гэлбрайт почувствовал, как на него начали падать мелкие капли. Инспектор поднял глаза и невольно удивился — он совсем не ожидал, что за время, проведенное им на утренней прогулке, на солнце уже успели наплзти тучи. «Мне нужно уйти в какое-нибудь укрытие от дождя», — подумал Гэлбрайт, и в связи с этим невольно вспомнил о том, как в Портленде он сначала напился в баре, чтобы отпраздновать свой день отпуска, после чего стоял, как статуя, под проливным дождем. Но нет, сейчас мокнуть под дождем было абсолютно не вариант — в конце концов, там он был дома, а тут, в незнакомой стране, плюс еще и отель, где он остановился, не внушал уважения...

С этими мыслями Гэлбрайт, не совсем понимая, куда несут его ноги, вошёл в первую попавшуюся дверь. Ему удалось разглядеть неоновую вывеску, которая гласила «Орцинус Орка Остэриа». Глядя на эти тонкие розовые буквы, он не мог не подметить счастливое совпадение: именно в тот момент, когда начался дождь, ему повезло наткнуться на заведение, где можно было перекусить. В помещении, куда Гэлбрайт ушел, чтобы спрятаться от дождя, царил полумрак, но он не выглядел обдуманной стилистическим решением — гораздо более вероятным объяснением такой темноты могла быть банальная лень владельца остерии заменить давно перегоревшие лампочки. Инспектор остановился на пороге, чтобы осмотреться, как внезапно тишину нарушил чей-то очень наглый голос:

— Кто это тут к нам пожаловал? — чётко, словно на курсах ораторского мастерства, произнес невидимый для Гэлбрайта человек.

Инспектор невольно вздрогнул и повернул голову в ту сторону, откуда донесся этот нескромный вопрос. Источником этих слов оказался какой-то мужчина средних лет с некрасивым пивным животом — Гэлбрайт невольно поморщился, когда увидел рваные джинсы

и испачканную пятнами белой краски зелёную куртку, в которую был облачён этот человек. Толстяк развалился на стуле и, опершись правой рукой о стол, поднес свободную руку к глазам, чтобы поправить очки, которые на фоне его толстого лица выглядели откровенно странно — как будто они были одеты на свинью, а не на человека.

— Кто-нибудь включите свет! Я не вижу, кто это к нам пожаловал! — продолжал очкастый свин тем же ораторским тоном.

Гэлбрайту было неприятно это слышать, и у него возникло дурацкое чувство, как будто он вышел на подиум перед этим беспристрастным человеком. Едва сдерживаясь от того, чтобы не наброситься на этого наглого парня, инспектор подошел к нему и спросил:

— По вашему, я выгляжу любовно и прельстиво? — он старался говорить как можно спокойнее, хотя внутри у него всё кипело от ярости.

Вместо ответа мужчина вскочил со своего места с неожиданным для такого тучного человека проворством.

— Эй-эй, полегче, — спокойно сказал Гэлбрайт, словно отдавая команду животному.

— Вы что, с ума сошли? — медленно попятился толстяк, по лицу которого стекали струйки пота.

— А чего вы кричите на посетителей как сумасшедший? — спросил его инспектор, продолжая приближаться.

— Я могу это себе позволить, я директор этого заведения! — храбро заявил очкастый свин.

Гэлбрайт услышал шаги позади себя и немедленно обернулся. Позади него стоял усатый худощавый официант средних лет, глаза которого воровато шарили по сторонам. Когда полицейский с суровым лицом уставился прямо на него, то официант невольно отшатнулся,

— Хватит, хватит! — заорал толстяк. — Я не хочу, чтобы вы тут нас всех укокошили!

— Добро, — лаконично и охотно согласился с ним инспектор.

Расслабившись, Гэлбрайт сел за тот самый стол, за которым до этого момента сидел директор остерии.

— Чего желаете, сэр? — каким-то неприятным, блеющим голосом спросил его официант.

— А что хорошего вы мне предложите? — Гэлбрайт ответил вопросом на вопрос.

Ему сразу не понравились елейные нотки в голосе этого старика, на которого он в тот момент смотрел с подозрением. Вместо ответа официант бросил на стол меню — ввиду чего гость сразу подумал о том, что обслуживание в этой остерии явно не такое уж хорошее. Но полицейский не стал тут же вставать и покидать заведение — ибо в данный момент его желудок доминировал над мозгами. Открыв меню, инспектор начал его внимательно изучать, в то время как официант продолжал заглядывать ему через плечо.

Пока Гэлбрайт пробегал глазами список блюд, в зал «Орцинус Орки Остэрии» вошли двое — мужчина и женщина. Инспектор заметил их краем глаза, но, будучи занят составлением заказа, не стал особо заострять на них своего внимания. Однако он не мог не заметить, что оба

этих гостей выглядели крайне неприглядно — у обоих были длинные нечёсанные волосы, а их грязная чёрная одежда выглядела так, словно она была на пару размеров больше. Стоя на пороге, эти двое, как дворняжки, начали яростно трястись всем телом, отчего капли дождевой воды, повисшие на их одежде, разлетелись во все стороны.

К тому времени Гэлбрайт уже сделал свой выбор — он хотел чего-нибудь жидкого, а также чего-нибудь с мясом. В конце концов он остановился на крем-супе из свежих шампиньонов и фетучини с курицей и помидорами. Не то чтобы это были его любимые кулинарные предпочтения, он просто решил, что это были самые калорийные блюда в меню этого заведения. Гэлбрайт произнёс официанту свой заказ, и тот, слегка кивнув, наконец-то отошел от его столика. Инспектор хотел было вздохнуть с облегчением, но тут пара нищих внезапно дала о себе знать. Они подошли к стойке, за которой стоял кассир — мужчина в расцвете сил с рыжими бакенбардами на щеках.

— Выручку! Нам! — нагло сказал мужчина с одутловатым лицом и длинными черными волосами.

— За подавание вам воздастся на том свете! — заблеяла его подруга, одетая в такое просторное платье, что казалось, будто она находилась в куполе из чёрной ткани.

Гэлбрайту было противно смотреть на это, но он не мог не заинтересоваться подобной ситуацией. «В конце концов, было же время, когда люди смотрели на уродов», — подумал он ...

— О, вы такие смелые, — улыбнулся кассир, — ну тогда возьмите, не стесняйтесь!

При этом он сделал странный жест рукой, как будто у него в руке была зажата невидимая пачка купюр. Попрошайки снова повторили свою просьбу, только на этот раз женщина ещё и кокетливо покрутилась всем своим телом перед кассиром. «Чёрт, этого мне ещё не хватало», — подумал Гэлбрайт. Он уже начал жалеть о том, что пришел сюда, но ему нужно было дожидаться заказа, поэтому ему ничего не оставалось, как продолжать сидеть в зале «Орцинус Орки Остэрии», где на его глазах творился какой-то цирк безумцев.

— У нас есть носочки! — вдруг пронзительно закричала нищенка.

— Безусловно, но и что с того? — спросил кассир таким тоном, будто пытался флиртовать.

— Она хочет продать тебе носки! — громко выпалил нищий с одутловатым лицом, словно обращаясь к несмышленому ребёнку.

«Что ж», — подумал инспектор, глядя на это, — «они, видать, продают одежду из-под полы, и возможно, даже краденую...» Ему было любопытно, какие следующие действия предпримет кассир с рыжими бакенбардами. В глубине души Гэлбрайт надеялся, что тот решит наконец прогнать этих двоих в три шеи.

— Ладно, я согласен. Покажь мне товар, — сказал кассир, почесывая небритую и от этого колючую щеку.

— А ты ножку мне давай, ножечку свою! — завизжала нищенка.

— С какой это стати? — спросил кассир, но по его тону было похоже, что на самом деле он не был сильно против этого предложения.

— Она должна понять, какой у тебя размер! — снова пробубнил нищий объяснительным тоном.

Пока эта сцена разыгрывалась у стойки, к Гэлбрайту наконец-то подошел официант, который поставил перед инспектором тарелку, полную крем-супа из свежих шампиньонов, после чего, насмешливо кивнув, ушёл. Гэлбрайт взял ложку и начал есть. Неплохо, подумал он, не кулинарный шедевр конечно, но и не какой-нибудь сэндвич... Продолжая есть, он наблюдал за цирком, который творился неподалеку от его столика. Мужчина с рыжими бакенбардами уже занёс было ногу прямо на стойку бара, но нищий велел ему снять обувь, и поэтому кассиру пришлось полностью исчезнуть за прилавком — видимо, он и в самом деле наклонился для того, чтобы явить окружающим свою босую ногу. «Что за чушь», — подумал Гэлбрайт, доедая свой суп.

— Вот ваш второй заказ, — услышал он голос официанта.

С этими словами тот поставил перед инспектором новое блюдо. Гэлбрайт отодвинул уже пустую тарелку от супа и, посмотрев на то, что ему подали, уставился на официанта, который продолжал стоять рядом.

— Что вы мне принесли? — строго, без намека на улыбку, спросил инспектор.

— Ваш заказ, а что же ещё? — пробормотал усатый, глаза которого лихорадочно вращались в орбитах.

— Я заказал фетучини с курицей и помидорами. А вы мне что подали? — продолжал Гэлбрайт, не меняя тона.

На тарелке, стоявшей перед ним, лежали самые обычные спагетти, слегка сбрызнутые томатной пастой. Курицы там не было видно — хотя кто знает, если бы он поковырял это блюдо вилкой, то, может быть, ему повезло бы найти крошечный кусочек куриной кожицы на самом дне...

— Прошу вас, войдите в положение, умоляю! — официант, глаза которого начали вращаться ещё быстрее, принялся канючить мерзким тоном.

— Мне всё равно... — начал было инспектор, но официант не дал ему договорить.

— Сейчас на кухне готовит сын хозяина, замечательный, изумительный мальчик, просто золото, никто им не нарадуется! — торопливо говорил худощавый мужчина, едва не пуская слюни. — Он учится в кулинарном колледже...

— ...кто там готовит мне еду... — Гэлбрайт попытался вставить хоть слово.

— ...и поэтому я прошу вас быть милосердными к нему, потому что это его первый рабочий день! — казалось, официант вот-вот упадет на колени перед инспектором.

— Я заплатил вам за это, — инспектор указал пальцем на тарелку, — около пятидесяти фунтов стерлингов! И я хочу получить то, что заказал, а не какую-то гадость от родственника владельца вашего заведения! — твердо сказал Гэлбрайт, сурово глядя на официанта

С этими словами он встал из-за стола и, взглянув на прилавок, где в это время кассир вовсю демонстрировал нищим свою покрытую микозными волдырями ногу, решительно направился к двери. Официант не стал тормозить и бросился за Гэлбрайтом, как трусливый шакал за храбрым тигром.

— Вам что, не понравилось? — заискивающим тоном произнес усатый.

— Да! — громко и твердо сказал инспектор и потянул дверь на себя.

— Подождите, я сейчас узнаю! — завопил мужчина с бегающими глазами.

Уже стоя на улице, Гэлбрайт обернулся. Он увидел, как официант, громко топая ногами, убегал вглубь зала, пока кассир с рыжими бакенбардами возвращал попрошайкам носки — видимо, он действительно их примерил, но они оказались ему не по размеру. «Бог с ними, с этими бедными, злыми людьми», — подумал Гэлбрайт, хотя ему всё же было немного интересно, что именно собирался узнать официант, который к тому моменту уже исчез на кухне...

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539640>